

Адон Кихот и Мар Сервантес

"Советские читатели любят роман Сервантеса не только как исторический памятник."

Из предисловия к изданию "Дон Кихота" 1955 года на русском языке.

Поиски еврейских корней

В рамках ежегодной церемонии вручения литературных наград в мадридском институте имени Сервантеса известный специалист по сефардской истории и культуре испанский исследователь Авраам Хаим выступил с лекцией "Следы иудаизма в романе Сервантеса «Дон Кихот»". Умозаключение Хаима, что "Дон Кихот" - произведение страдающей еврейской души, получило широкую огласку благодаря Интернету и газетам и вызвало поток откликов и комментариев. В своем сообщении исследователь утверждал, что в романе можно обнаружить многочисленные ссылки на каббалу и еврейские обычаи, а это, скорее всего, означает, что Сервантес принадлежал к еврейской семье, предков которой заставили принять христианство в Испании в 1492 году. Согласно выводам Хаима, Сервантес был хорошо знаком с католической традицией, но включал в текст и закодированную информацию, связанную с иудаизмом. Ее могли расшифровать евреи, но она не должна была привлекать внимание представителей инквизиции.

Конечно же Авраам Хаим – не первый, кто обнаружил еврейские корни испанского классика. Еврейский народ знает и любит своих героев. Да и Сервантес - не первый, зачисленный в списки выдающихся представителей древнего народа. С большим энтузиазмом и без больших колебаний в евреи зачастую определяются отличники культуры, науки или политики, не запятнавшие себя ничем кроме характерной выдающейся детали внешности либо особенностей грассирования. Неужели нам мало впечатляющего списка еврейских философов, учёных, писателей, художников, музыкантов и политиков, однозначно ассоциирующихся со своим народом? Списка, включающего Моисея, Маркса, Фрейда и Эйнштейна. Может быть стоит быть щедрее, и не стараться сражаться за каждого, а поделиться с другими народами? Пусть и они погордятся своим достоянием, ведь не убудет от нас... Ан нет, по себе знаю, всякий раз, как читаю что-то подобное труду Авраама Хаима, сразу исполняюсь гордыней и начинаю от души восхищаться творениями и поступками ранее не обязательно любимого автора, оказавшегося вдруг евреем.

Что же так притягивает в этом выискивании еврейских корней? Щекотка самоидентификации? Местечковая уверенность, что если, скажем, Сервантес окажется из моего рода-племени, то и моя нехитрая жизнь приобретёт, несмотря на все признаки убогости, какое-то сверхзначение и духовность, а главное - преемственность традиции? Вряд ли. Для меня очень важен здесь элемент интеллектуальной игры. Докажи труднодоказуемое. Расследуй обстоятельства дела, в котором следы находятся глубоко под слоем пыли веков. Определи еврейство не по документам, а по поступкам, высказываниям, отношению к событиям, реакциям. А ещё лучше, если удастся абстрагироваться от исторической подложки и вытащить из текста на свет то, что с такой тщательностью пытались скрыть. Неспроста появляются работы, доказывающие, что какой-нибудь литературный герой (Соловей-разбойник, Портос, Бендер) - не автор! - был евреем. Если подумать, это и не так уж абсурдно. Мы живём с подсознательным, сложно формализуемым, определением еврея как обладателя некоторых специфических, отличных от представителей других народов, духовных и поведенческих характеристик (необязательно однозначно положительных или отрицательных, - привет анти- и филосемитам!). В тот момент, когда такие характеристики удаётся сформулировать, вопрос о том был ли Дон Кихот или Микки Маус евреем уже не кажется таким несурзным.

Другой аспект - исторический. Обнаруживается странная закономерность. В процессе формирования какого-либо народа невероятно важно сотворение кумиров - таких национальных божков. Если язык является одним из центральных элементов объединения (это не всегда так), то как правило один из кумиров - литературный. То есть всегда, как почувствовали все, что вот

теперь - мы единый народ, сразу же появляется великий писатель, который пишет не так, как все остальные, а чисто по-нашему, и он настоящий светоч для всех. И почему-то всегда это происходит, когда мы сильны и полны гордостью за наши военные успехи. Явление такого Данте, Сервантеса, Шекспира, Пушкина, как правило означает, что очередной этап процесса формирования нации закончился. А вот появится замечательный писатель у народа, когда бьют нас на всех фронтах и мы из сил выбиваемся, чтобы справиться с голодом и болезнями, - конечно будем любить, но чтобы он стал нашим кумиром - да ни за что. По прошествии достаточного времени вдруг случается следующее: откуда ни возьмись появляется версия, что кумир-то наш оказывается не совсем наш, например происхождение подкачало по материнской линии. И что интересно, опять это происходит, когда мы сильны и громим всех на бранных и экономических фронтах. То есть появляется группа людей, которая заинтересована в том, чтобы кумира свергнуть, и так как кумир - наше национальное всё, то и сделать это можно только отказав ему в этой национальной принадлежности. Тут евреи просто незаменимы. В Европе они (мы) являются практически единственными универсальными кандидатами в "чужие", да и поводов верить, что кто-то небесталанный произошёл из еврейской среды предостаточно. То есть я хочу сказать, что поиск еврейских корней не является прерогативой евреев, - есть множество причин и для других народов искать еврейские следы в родословных знаменитых людей. То, какие есть для этого есть поводы, на каких этапах развития наций это происходит, насколько обычно это соответствует правде, случается ли это в других частях света (например, ищут ли японцы китайские корни у своих знаменитостей?) - это тема отдельного серьёзного исследования.

Ещё очень интересно проследить за тем, что происходит при смешении кровей. Неоднократно сталкивался с такой ситуацией, что, скажем, был вот у человека еврейский дедушка, которого он ни разу в жизни не видел, а посмотришь на него, послушаешь - таки да, ну никаких сомнений. Или бывает наоборот, ну то есть совсем наоборот и не обязательно в отрицательном смысле. Так что, особенно если речь идёт о выдающихся экземплярах, интересно не только следить за соревнованием генов разных народов со стороны и болеть за наших, но и понять, почему кто-то кажется нам законченным евреем, а в другом, при абсолютной кошерности, пульсация еврейской жилки не прощупывается. Или ещё вопрос: может ли человек быть по своим литературным способностям евреем, как папа, а по музыкальным совершенным финном, как мама? Или уж одно из двух: во всём, как папа, или во всём, как мама?

В общем, есть много вопросов, и в конце концов это скорее проблема нашей самоидентификации, которая тем сильнее, чем лучше мы сами для себя сформулируем, с кем или с кем мы себя идентифицируем. И даже для живущих в еврейской стране существует необходимость ответить самим себе на вопросы о том, кто же мы такие, что нас объединяет и что разделяет.

Хорошо известно, что в неточно поставленных задачах распознавания образов самым правильным подходом является анализ большого количества примеров с известным ответом, и формирование на этой основе приблизительного классификационного механизма. Потом этот механизм можно применять и оттачивать на задачах с неизвестным ответом. Что ж, можно этот подход опробовать. Итак, объекты нашего интереса - Мигель Сервантес и Дон Кихот. Задача - доказать или опровергнуть, что кто-то из них - еврей. Начнём с краткого экскурса в историю.

Золотой век Испании

В начале восьмого века арабы и берберы из северной Африки, впоследствии названные маврами, удивительно быстро, всего за несколько лет, завоевали Пиренейский полуостров. Они исповедывали ислам, молодую религию, уже доминировавшую на севере Африки и Ближнем и Среднем Востоке. Мавры были терпимы к христианам и иудеям.

В Средние Века на территории Пиренейского полуострова образовались многочисленные мелкие государства, которые воевали друг с другом, причём христиане сражались с мусульманами и с другими христианами, а арабы подавляли восстания в своих владениях. В 1469 году произошло знаменательное для будущего Испании событие: брак между Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской, которых Папа Римский Александр VI назвал "католическими королями". Этот брак положил начало политическому объединению Испании, завершившемуся к концу XV века, и лишь Наварра была присоединена в 1512 году.

В 1478 году Фердинанд и Изабелла утвердили церковный суд — инквизицию, предназначенную охранять чистоту католической веры. Началось преследование евреев, мусульман, а позже протестантов. Несколько тысяч подозреваемых в ереси прошли через пытки и закончили жизнь на кострах. В 1492 году глава инквизиции доминиканский священник Томасо Торквемада (тоже, кстати, не без изъяна - еврей по бабушке) убедил Фердинанда и Изабеллу преследовать по всей стране не обращенных в христианство. В 1492 году взятием Гранады заканчивается Реконкиста (отвоевание) и в том же году Христофор Колумб достигает Америки и основывает там испанские колонии. Появление колоний даёт мощный толчок торговле и экономике. В начале XVI века, Испания, ставшая абсолютистской монархией, процветает. Унаследовавший испанский престол Карл из дома Габсбургов становится под именем Карла V императором Священной Римской империи, над которой "никогда не заходит солнце". С середины XVI века начался экономический упадок Испании. Сын Карла Филипп II переносит столицу из Толедо в Мадрид. Гибель "Непобедимой Армады" в сражении с Англией при Кале в 1588 году означает конец испанского владычества на море. В начале XVII века испанская экономика приходит в упадок, Испания перестает быть великой державой, хотя "золотой век" испанской культуры ещё продолжается. Немаловажной причиной экономической катастрофы Испании стало небольшое число испанцев, умевших и желавших работать. Число дворян превосходило все мыслимые пределы. Высшей знатью считалось всего около 50 семей, но низший дворянский титул, "идальго", мог получить фактически любой — его жаловали за военные успехи в борьбе с маврами, а позже продавали даже ростовщикам и крестьянам, разбогатевшим в "Индиях". Человек, получивший такой титул, презирал физический труд и стремился служить только королю или церкви. В результате многие идальго стремительно беднели. Дошло до того, что в некоторые деревни доступ для идальго был запрещен.

Евреи Испании

Евреи Испании, жившие на христианских землях, всё время находилась под религиозным давлением. Уже в XIII веке в Арагонском королевстве началась широкая кампания по обращению евреев в христианство. Падение Гранады 1-го января 1492 года, последнего оплота ислама на Пиренейском полуострове, предельно усилило стремление к национально-религиозной консолидации объединенного королевства. 31-го марта 1492 года был подписан эдикт об изгнании евреев из Испании и ее владений. Изгнание мотивировалось тем, что евреи совращают христиан в иудаизм, а новые христиане не могут стать честными католиками из-за влияния евреев. Большинство евреев покинуло Испанию, но часть их пополнила ряды новых христиан (обращённых — *конверсос* или тайных иудеев — *крипто худиос*), которых уже насчитывалось около 200 тысяч. Новыми христианами становились и вернувшиеся в Испанию из эмиграции евреи, соблазненные королевским указом от 10-го ноября 1492 года о том, что тем из них, кто в течение четырех лет примет католичество, будет возвращена принадлежавшая им недвижимость (или возмещена ее реальная стоимость лицами, скупавшими за бесценок дома и земли при изгнании евреев). Многие новые христиане (*марранос*) тайно продолжали исповедовать иудаизм и вследствие этого являлись главным объектом преследований испанской инквизиции, как и *морискос* (мусульмане, принявшие христианство в аналогичной ситуации). В американских колониях Испании и Португалии новые христиане составляли основу культурной части населения, и число их было значительным, хотя уже с 1502 года испанские короли периодически (до очередного денежного взноса от новых христиан) запрещали им переселяться туда. В Испании и Португалии, где, несмотря на волны эмиграции, проживало большинство новых христиан, уже с начала XVI века они в основном составляли духовную элиту королевств (писатели, врачи, служители культа, придворные и пр.). Их доля была также значительной среди ремесленников и особенно торговцев. В середине XVI века почти повсюду был принят принцип чистоты крови (*лимпыеса де сангре*), направленный против новообращенных христиан, происходящих от мавров и еретиков (под этим термином подразумевались евреи). Большинство испанских религиозных и светских организаций считали первым условием для принятия в их члены безупречность происхождения. Малейшее сомнение в чистоте крови по сути было равносильно гражданской смерти подозреваемого. Новые христиане и их потомки были исключены из религиозных братств, военных орденов, учебных заведений, лишены права жительства в определенных городах, а церковь обуславливала распределение бенефиций (церковные доходные должности) отсутствием примеси еврейской крови. Эта доктрина

приводила к коррупции, шантажу, фальсификации документов и генеалогических таблиц, так как даже представители самых знатных и старинных испанских родов происходили порой от евреев.

Положение мавров было несколько лучшим, хотя тоже незавидным. На их счете не было распятия Христа, поэтому наказания и преследования доходили до них с некоторым запаздыванием. В 1502 году была издана прагматика Католических Королей, согласно которой все мусульмане Арагонского и Кастильского королевств были обязаны принять христианскую веру или покинуть пределы Испании. Мечети превращались в церкви. Тем не менее, нагнетаемая религиозная нетерпимость толкала соседей-христиан на обвинения морисков в монополии ремёсел, торговли и взяточничестве, в том, что не идут в монахи, а женятся и потому число их растёт и растёт. В ход шли и классические наветы в том, что они отравляют воду и пищу христиан, пьют человеческую кровь и т. п. Особенно подозрительной казалась "излишняя" чистоплотность. Мориски подвергались постоянной слежке по подозрению в тайном исповедании ислама. В 1609-1614 годах - Филипп III, сын Филиппа II, высылает из страны морисков. Испания теряет четверть своего населения.

Биография авантюриста

Страсти из самых закрученных латиноамериканских сериалов просто блекнут при сравнении с историей реальной жизни, прожитой великим писателем. Тут было всё - войны и ранения, дуэли, женитьба и развод, тюрьмы и дворцы, нищета и богатство. Но по порядку. Мигель де Сервантес родился в день святого Мигеля 29 сентября 1547 года в Алкале де Энарес, что в 30 км от Мадрида, четвертым ребёнком в семье Родриго де Сервантеса. Вторую фамилию, Сааведра, он позднее добавил себе сам. В 1569 году он сбежал в Италию, скрываясь от правосудия, - за участие в дуэли, на которой ранил своего соперника, он был приговорён к отсечению правой руки и десятилетней ссылке. В 1570 году Мигель записался на флот и 7 октября 1571 года принял участие в битве при Лепанто, где был ранен и навсегда потерял возможность действовать левой рукой. В боях был храбр, и его военная карьера пошла в гору. Под началом Хуана Австрийского воевал при Наваррине, на Корфу и в Тунисе. В сентябре 1575 года Мигель и его брат Родриго возвращались на галере в Испанию, когда были взяты в плен корсарами и проданы в рабство в Алжир. За них был назначен выкуп: 500 эскудо за Мигеля и 300 эскудо за его брата. Более высокая цена за Мигеля была связана с находящимися при нём грамотами дона Хуана, которые внушили мысль о его знатности. Семья смогла наскрести лишь 300 эскудо, благодаря которым Родриго смог вернуться домой. Сервантес пытался бежать четыре раза. Его ловили и жестоко наказывали. После четвертой попытки побега товарищам Сервантеса отрезали уши, а самих повесили на городской площади. Мигель чудом остался жив: он получил лишь 100 ударов плетью и был помещен в одиночную камеру. Как ни странно, ему разрешили писать в камере. После пяти лет рабства, Сервантес вышел на свободу: его семья собрала кое-какие деньги и обратилась за помощью к королю, который не отказал в просьбе и добавил недостающую часть. Участием в военных кампаниях Мигель денег не добыл, да к тому же поставил на грань разорения свою семью. Сервантес снова поступил на военную службу и в 1582 году принял участие в битве за Азорские острова. Через год, находясь в Португалии, он влюбился в молоденькую актрису Ану Франко де Рохас. Уже вернувшись в Испанию, он узнал, что стал отцом. Ана родила от него дочь Исабель, которая оказалась единственным ребенком Сервантеса. Вскоре Мигель оставил воинскую карьеру и занялся сочинением стихов, пасторальных и приключенческих романов, однако ожидаемый успех не приходил. В 1584 году он познакомился с 19-летней Каталиной де Саласар-и-Паласиос, хорошенькой дочерью землевладельца из толедского поселка Эскивиас. В том же году они поженились. В 1585 он устроился комиссаром по хозяйственным заготовкам для армии. Через два года перебрался из столицы в Андалусию, где в течение десяти лет исполнял сначала должность поставщика флота, а затем - сборщика налогов. Четыре раза, в 1592, 1597, 1602 и 1605 годах, попадал в тюрьму за неточности в отчетах и недостачи денег. Каталина, не выдержав такой семейной жизни, через два года после свадьбы бросила его и вернулась к своим родителям. В 1597 году в севильской тюрьме Сервантес начал писать роман "Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский". В 1605 году его в очередной раз выпустили на свободу, и в том же году была опубликована первая часть "Дон Кихота", немедленно ставшая невероятно популярной. "Дон Кихот" был первым современным романом мировой литературы и со временем стал вторым произведением, после Библии, по своей распространённости в мире. В 1607 году Сервантес приехал в Мадрид, где и провел последние девять лет жизни. В 1613 году он издал сборник "Назидательные новеллы", а

в 1615 году - вторую часть "Дон Кихота". Великий писатель и авантюрист покинул этот мир 23-го апреля 1616 года.

Был ли евреем Мигель де Сервантес?

Как заметил известный исследователь творчества Сервантеса Америко Кастро, в христианской Испании не было Средних Веков. То есть в то время, когда в Англии, Франции или Германии писалось огромное количество хроник и религиозных трактатов, в Испании о подобной деятельности не помышляли. Более того, Испания оказалась единственной страной в Западной Европе, в которой не было Ренессанса! Как же тогда объяснить Золотой Век испанской литературы, который продолжался с конца XIV-го и до второй половины XVII –го века? Ответ, предлагаемый Хосе Фором - это было связано с разрушением основных оплотов еврейской мысли в Испании. Оказавшиеся в совершенно новой для себя действительности, не имеющие возможности принимать участие в творчестве, связанном с религиозной тематикой, как христианской, так и еврейской, новые христиане создавали новую литературу для выражения своих мыслей и эмоций, для выплёскивания накопившейся творческой энергии невиданной доселе мощи. Эта волна накрыла не только Испанию, но и всю христианскую Западную Европу. Среди писателей, создававших новую литературу, первенство Сервантеса неоспоримо.

Вряд ли уже найдутся документы, однозначно подтверждающие, что Сервантес был новым христианином. Тем не менее есть предостаточно косвенных свидетельств, которые мы и обсудим. В "Инструкции", написанной Фернандом Диасом из Толедо в середине 15-го века, фамилия Сервантес встречается среди фамилий семей *конверсос*. Предки Мигеля занимались *иматес* - производством и продажей одежды. Более того, карьера *лиценциадо* - учёного и лектора, его деда, часто переезжавшего с места на место, или профессия отца - лекаря-брадобрея, да и работа самого Сервантеса по сбору налогов - все эти занятия были почти исключительно в руках евреев и новообращённых. Еврейское происхождение достоверно подтверждено как у жены Сервантеса, Каталины де Саласар-и-Паласиос, так и его любовницы, Аны Франко де Рохас.

Сервантес всю жизнь страдал от унижений и пренебрежения властью имущих. Он так и не дождался награды за отвагу в ратной службе Испанской короне или за мужество, проявленное в алжирском пленении. Дважды, в 1582-м и 1590-м годах, он подавал прошения о занятии освободившихся управленческих позиций в Новом Свете, - и дважды был без особых оснований отвергнут. Даже его покровитель Граф Лемосский Педро Фернандес де Кастро, которому Сервантес посвятил почти все произведения, написанные после 1605-го года, включая вторую часть "Дон Кихота", и ставший властителем в Неапольском вице-королевстве, остался глух к его просьбе о секретарской работе. Как отмечает Америко Кастро, невозможно объяснить эти унижительные отказы какими-либо другими причинами, кроме как его "нечистым" происхождением.

Интересную теорию пропагандирует Леандро Родригез, профессор международного права женева университета. Согласно его изысканиям Сервантес родился не в 1547-м, а в 1549-м году в селе Сервантес, что в провинции Санабрия в Леоне, недалеко от границы с Португалией. В своей книге "Дон Мигель, еврей из Сервантеса", изданной в 1978-м году, он приводит убедительные доказательства поддельности свидетельства о крещении писателя из Алкала де Энарес. Остальные его спекуляции основаны на очень косвенных свидетельствах. По-видимому, фамилия Сервантес действительно происходит от названия села. В документах веремён Сервантеса, найденных Родригезом, можно найти данные о жителях деревни Санта Коломба, соседствующей с селом Сервантес. Несколько семей там носили фамилию Сааведра, и все они имели еврейское происхождение. Более того, Родригез обнаружил в архивах Санта Коломбы документ о рождении Альдонсы, дочери Лоренсо, случившемся во времена сервантесовской юности. Основываясь на автобиографичности "Дон Кихота" и словах главного героя, что он родился "в некоем селе в горах Леона", Родригез утверждает, что действие романа было перенесено в Ламанчу для того чтобы скрыть реальное, слишком еврейское, место событий, а заодно и еврейское пятно в биографии автора. Утверждение об еврейском происхождении писателя обосновывается тем, что в XV-XVI-м веках большинство жителей Санабрии имело еврейские корни. Многие евреи переселились в этот район в 1492-м году, который находился на дороге в Португалию, куда они отправлялись в изгнание. Они были настолько приятно удивлены благожелательностью приёма, оказанного местным населением, что решили

обосноваться в Санабрии. Там они вели жизнь крипто-евреев и в основном занимались производством тканей. Исследователь идентифицировал некоторые близлежащие места, в которых, по его мнению, могли происходить перипетии романа. Он также обнаружил некий дом, который мог принадлежать семье Сервантесов. В своей книге "Сервантес в Санабрии: путь Дон Кихота из Ламанчи", выпущенной в 1999-м году, Родригез в деталях описывает географию района и её привязку к событиям романа.

Битва при Лепанто и евреи

В 1570 году началась война между Святой Лигой, в которую входили Испания, Венеция и Ватикан, и Османской империей. Сервантес стал проситься на войну, для чего ему понадобилось свидетельство о незапятнанности его вероисповедания, что выразалось в отсутствии среди родственников евреев и мусульман. Получив из Испании подтверждение о чистоте своего христианского вероисповедания (ещё одна подделка?), Мигель записался на флот. 7-го октября 1571 года, две великие армады, Христианская и Мусульманская, сошлись в устье Патрасского залива возле греческого мыса Лепанто. Сервантес, несмотря на приступ горячки, принял участие в битве, где был ранен из аркебузы в грудь и левую руку, которая навсегда потеряла свою подвижность, и с тех пор его стали называть *эль манко де Лепанто* - "одноруким из Лепанто". Правда ему хватит впоследствии одной правой, отсечения которой ему удалось в юности избежать, для написания "Дон Кихота" и ещё нескольких книг.

С битвой при Лепанто связана ещё одна занимательная история, имеющая отношение к евреям. Хотя она и не о Сервантесе, я не могу отказать себе в удовольствии кратко её изложить.

Жозеф (Иосиф) Наси родился в Португалии в насильственно крещённой семье и был известен под христианским именем Жоао Мигез. После выгодной женитьбы на кузине, Жоао стал управляющим в доме Мендеса, семейной фирме, бывшей в то время одной из наиболее влиятельных торговых и банковских компаний. Корабли Мендеса часто использовались крипто-евреями для того, чтобы покинуть негостеприимную Иберию, а их накопления переводились через векселя, выдаваемые служащими Мендеса. В качестве финансиста, Жоао/Жозеф часто имел дело с королевскими домами Европы, и одолжил 150 тысяч дукатов королю Франции. Впоследствии вся его семья эмигрировала в Османскую империю, где вернулась к иудаизму и восстановила свои еврейские имена. Теперь уже Жозеф близко сдружился с Селимом, сыном Сулеймана Великолепного (кстати, построившего городскую стену Иерусалима). Вскоро Селим взойшёл на престол. Когда Султан Селим II завоевал остров Наксос, он назначил своего приближённого Жозефа Наси герцогом. В тот момент, когда французский король Карл IX узнал об этом, он немедленно объявил свой долг новому герцогу недействительным. И правда, брал-то он в долг у христианина Жоао, а еврею Жозефу он не задолжал и ломанного дуката. У Жозефа, однако, тоже были проблемы. Он был должен новому султану, и не было никакой возможности возвратить этот долг, не получив деньги из Франции. В 1569 году султан Селим II, желая помочь другу, а заодно и себе, дал разрешение семье Мендеса-Наси конфисковать товары с французских судов, находящихся в порту Александрии. Французы пожаловались Селиму II, но тот порекомендовал им возвратить долг в обмен на товары. Этот спор продолжался ещё два года и кончился тем, что 200 французских кораблей приняли участие в битве при Лепанто на стороне христианской коалиции, что, возможно, и склонило чашу весов на сторону Папской армады.

Слово антисемитам

"Давайте спросим антисемитов, - они распознают евреев мгновенно и безошибочно."

**Эзер Вайцман, 7-й президент Израиля,
во время дискуссии о том, кого считать евреем**

Писатели-почвенники, защищающие родное от нашествия инородной саранчи, видимо были ещё в Древней Греции (мы просто мало что знаем про Древний Египет). Сколько отравленных стрел было выпущено в талантливых соперников, сколько пергамента переведено, для того чтобы доказать, что ну не могут они, в силу своей инородности, прочувствовать и понять нашу жизнь. А задача у них одна - замаскироваться, прокрасться и нагадить что есть сил. Причём так маскируются, что неподготовленному читателю это кажется талантливым и интересным, а на самом деле - чистая контра и подрыв устоев.

Пио Бароха (1872—1956) - автор более сотни книг и один из наиболее значительных испанских новеллистов двадцатого века, придерживался весьма радикальных взглядов по всем проблемам. В тридцатых годах он стал одним из ведущих идеологов фашизма, а в 1939-м разразился серией статей под названием "Коммунисты, Евреи и Другие". Странным образом симпатии Бароха (вот так имя - чуть не написал Баруха!) разделились. Он ратовал за возвращение прекраснородных сефардских евреев, способных к искусствам и ремёслам, на историческую родину (Испанию). С другой стороны, с ашкеназскими евреями у Бароха была проблема. Он объявил коммунизм "еврейским крестовым походом против Европы", а ашкеназов - "авангардом коммунизма". Не обошёл Бароха и тему еврейства автора "Дон Кихота" (ашкеназа?):

"...В Испании, с этнической и моральной точки зрения, существуют два основных типа — иберийский и семитский... Тип иберийца, сурового и сильного, преобладал в Испании в эпоху Реконкисты, предшествуя формированию аристократии, а вот тип семита, хитрого и ловкого, возникает в то время, когда бывшие мавританские княжества входят в состав национального государства, когда формируется аристократия. Ибериец — это сельский идальго, а семит — это городской ремесленник и придворный. Мало-помалу, по мере образования единой нации, вся семитская Испания растёт и побеждает, а Испания иберийская приходит в упадок. Город берёт верх над деревней. Завершается формирование и укрепление аристократии — и, по всей вероятности, за счёт тех, кто находится поблизости, то есть за счёт семитов.

...С моей точки зрения, во время блистательного периода нашей истории Испания иберийская уничтожалась: Испания семитская её подавляла и выдавливала. Испанская классическая литература — она наполовину итальянская, наполовину семитская. Да и сам «Дон Кихот» — это семитская книга... Если бы нашёлся гениальный ибериец вроде Сервантеса, у него бы не поднялась рука написать такую книгу; ему бы никогда не пришло в голову насмеяться над таким героем, как Дон Кихот; нужно было существовать этому возникшему в подвалах и в гетто антиидеалистическому настроению, чтобы решиться отлупить палками храброго и бесстрашного идальго; для этого нужно было существовать той ненависти к возвышенному, к идее личного служения, которая была характерна для испанца, для испанца, каким он был изначально."

А что говорят по этому поводу российские мастера слова? Не волнуйтесь, без них не обошлось. Ольга Щёлокова, специалист в испанской литературе, ведёт интернетовский живой журнал под именем *regenta*. Декларирует себя как испанofilку и татаролубку. Эта взрывоопасная смесь пристрастий не смогла обойтись без острой приправы - жгучей нелюбви к малому народу, который испоганил не только наше, но и всемирное всё. Но слово автору (стиль и пунктуация сохранены):

"А теперь посмотрите на ситуацию глобальней - и вы обнаружите, что в каждой частной литературе есть свой такой "Дон Кихот", который, как тень от гигантского мусорного бачка, заслоняет собой всё подлинное, национальное. И Испании тут совсем уж не повезло - по масштабам ублюдочности тех ублюдков, которых двигают свои люди в репрезентативных целях. Ну, с Сервантесом всё ясно (фамилия его переводится примерно как "Слугин" - Бог шельму метит): **"Дон Кихот" - это гнусная семитская агитка**, чтобы опорочить имперскую идеологию Золотого века с его кодексом чести и служения "Богу, Царю и Отечеству". А этот урод Гойя в стране с традициями Веласкеса и Сурбарана! А этот пидарас Лорка ..."

Ну вот, а педерасты-то чем провинились? Похоже, придётся завести отдельный список крипто-голубых. Дальше цитирую длинно, но просто не могу выкинуть слова из этого стона.

"...Возьмём время написания романа. Это Золотой век Испанской империи, которая расширялась и защищала себя именно как контрреформационная империя. Военные победы и экспансия были возможны только благодаря железной дисциплине - политической и, прежде всего, духовной. Дворяне такого положения, как дон Кихот, не изнывали от безделья, читая

книжки. Они, все до одного (а особенно члены военно-монашеских орденов), ВОЕВАЛИ. Приведу Вам аналогию - идёт Великая отечественная война, но вот некто типа Сервантеса нагло описывает при этом жизнь дезертира призывного возраста, который, однако, не скрывается в подвале, а лежит на печи, на виду у всех, и лузгает семечки. Понимаете, какой образ закачивался в сознание читателя: в "тоталитарной" Испанской империи дворяне мучились дурью, совершая idiotские "подвиги". Ну а чего: тоталитаризм же! Святое дело на него насрать! Так что в этом аспекте - типичная "правозащитная" литература типа романов Окуджавы.

Идём далее. С другой стороны, дон Кихот - идалго, имеет возвышенные идеалы. И вот здесь Сервантес выступает просто иступлённым пропагандистом "общечеловеческих" ценностей в противовес ненавистных ему (как еврею, вернее, "новому христианину") христианским ценностям. Вы думаете, этого у него на голове шлем? - спрашивает Сервантес и отвечает: "Ха-ха! Это тазик цирюльника". И так далее, по всем символам и образам, по всем ситуациям. Автор постоянно макает героя в говно, показывая, каким он оказывается никчемным кретином со своим РОМАНТИЗМОМ, со своими ХРИСТИАНСКО-КОНТРЕФОРМАЦИОННЫМИ ценностями. От романтизма и воинствующего христианства - один геморрой, практически в открытую говорит Сервантес, ИЗБИВАЯ (на что и обратил внимание Бароха) дворянина и рыцаря именно как носителя таковых ценностей. И это, по сути дела - ритуальное убийство. И вот только когда обессиленный и измороженный автором идалго отказывается от романтизма и христианства, носителями которых являются, в данном случае, рыцарские романы, и говорит, что всё это туфта и надо просто жить, общечеловечески, в качестве Алонсо Киханы Доброго, - вот тогда да, тогда автор успокаивается. И этого Алонсу убивает - он ему уже на хрен не нужен.

Ну и, наконец, там присутствует мощный антиправительственный, антимонархический, антицерковный аспект. Борьба с ветряными мельницами, великанами и т.д. - это не "прикол", а призыв к борьбе с Инквизицией, к протестантизации Испании, а также борьба лично с королём Филиппом Вторым, которого нац автор до умопомрачения ненавидел. Ну да, пострадал Сервантес в битве при Лепанто. Ну и что? Так многие страдали. Это примерно как если бы ветеран ненавидел Сталина за то, что его, ветерана, контузило во время атаки."

Далее, *regenta* переходит к сравнительным достоинствам советской русскоязычной и испанской испаноязычной литературы. Священной жертвой избраны "Двенадцать стульев" (кстати, сходство между Воробьяниновым и Дон Кихотом не случайно, и было, судя по всему, действительно задумано авторами романа):

"...«Стулья», равно как и «Дон Кихот» — книга об «этой стране» и «этих людях», о дикарях-аборигенах, которые для еврея изначально, по определению, смешны, нелепы, никчёмны и годятся только на то, чтобы пользоваться ими в своих целях. Что, собственно, со всей виртуозностью и демонстрирует Остап Ибрагимович Бендер, который имеет дело исключительно с лохами и гоями... Вообще-то, наверное, не все бывшие дворяне были таковы, как Ипполит Матвеевич. И не все люди духовного сословия были похожи на отца Фёдора. Но ведь «в этой стране» по определению не могло быть достойных дворян и священников, правда же? Потому что достойные люди дали бы обаятельному гешефтмахеру отпор, и тогда... где бы тогда была сама интрига прославленной дилогии? А вот в «Дон Кихоте» мы имеем, по видимости, противоположную ситуацию, потому что её героем является, наоборот, достойный дворянин, но только он, по Сервантесу, и есть лох. Потому как он гой и абориген. "

Уйди в небытие, *regenta*, лучше уже не скажешь. Всё объяснила, даже комментировать не надо.

Сервантес - антисемит?

В последние несколько лет жизни Сервантес тяжело болел. Еврейская тема, которую он избегал до этого, неожиданно появляется в его поздних произведениях. Так в пьесе "Великая султанша госпожа Каталина де Овьедо" он вкладывает в уста одного из героев следующую обвинительную речь: "...О всеразрушающая нация! О бесчестные! О противная раса, до какой низости довели вы ваши пустые надежды, ваше безумие и несравненное упрямство. Вы, выказывающие жестокость и закоснелость вопреки доводам справедливости и разума." Звучит так, что сложно не поверить, что это сам автор сводит счёты с личными врагами.

Ещё более впечатляющий эпизод появляется в новелле "Великодушный поклонник" из сборника "Назидательные новеллы" - последнем по хронологии крупном произведении писателя. Сервантес описывает перипетии христианки Леонисы, побывавшей в мавританском плену. На вопрос ее возлюбленного Рикардо: "...прошу тебя, расскажи мне вкратце, каким образом ты вырвалась из рук пиратов и попала в руки еврея, продавшего тебя сюда?" - Леониса отвечает: "Когда турки рассказали о своих несчастьях, мавры приняли их на корабль, на котором ехал один еврей, богатейший купец; почти весь груз этого судна принадлежал ему: он состоял из сукна, шерсти и других товаров, доставляемых из Берберии в Левант. На этом корабле турки добрались до Триполи и по дороге сторговали меня еврею, выложившему им две тысячи дублонов, - цена огромная, но еврея сделала щедрым любовь, в которой он мне потом открылся. Высадив туток в Триполи, корабль продолжал свой путь, и еврей стал дерзко меня помогать. Я оказала ему прием, достойный его постыдных желаний. Потеряв надежду удовлетворить свою страсть, он решил отделаться от меня при первом удобном случае. Узнав, что двое пашей, Али и Асам, находятся здесь на Кипре, где он мог с таким же успехом распродать свои товары, как и на Хиосе, куда он первоначально отправлялся, еврей приехал сюда с намерением продать меня кому-либо из пашей, почему он и нарядил меня в платье, которое сейчас на мне, чтобы успешнее подбить их на сделку. Мне сказали, что я куплена здешним кади, собирающимся отправить меня в подарок султану, отчего мне сделалось очень страшно..."

Григорий Марговский обнаруживает в этом эпизоде завуалированную ссылку на обстоятельства пребывания Сервантеса в алжирском плену. "В год пленения ему исполнилось 28 лет: возраст цветущий, а, значит, и привлекательный. Поскольку левая его рука не функционировала, логично было бы предположить, что содомитские посягательства, столь традиционные на мусульманском Востоке, не могли в итоге не увенчаться успехом." Вот так сюрприз для *regenta!* Придётся ей перевести Сервантеса из категории злых семитов в весёлую, но от этого не менее зловредную, компанию "пидарасов" - к Лорке. Но продолжим. Марговский считает, что эта история носит исповедальный характер - автор сочувствует несчастной, а заодно и себе, поруганному и обесчещенному. Обращение к иносказанию объясняется ограничениями, накладываемыми господствовавшими в социуме жесткими табу. "Не свидетельствует ли все это об активном ментальном неприятии, об этической вражде, обретшей к концу жизни классика заветное воплощение в художественном образе? Свидетельствует - и очень ярко! Сервантес ... в старости мог без опаски иллюстрировать (пусть и в завуалированной форме) стереотипы, на которые опиралось его мирозерцание. Не имея цензурной возможности поведать обо всех претерпленных им на чужбине утеснениях, повествователь, с помощью сюжетных манипуляций, вызывал у реципиентов отвращение к истязавшим его извергам и тем самым насаждал свою субъективную этико-конфессиональную схему. Итак, наряду с турками и маврами, Сервантес причислил к супостатам христианской морали еврейского торговца - тип, безусловно, встречавшийся ему в Магрибе. Настрадавшийся писатель, даже являясь он потомственным марраном, едва ли счел бы уместным выслуживаться перед инквизицией в пору своей тяжкой болезни и предчувствия кончины. Рвение апостатов - по известному замечанию жаждущих выглядеть святее папы римского, приходится, как правило, не на тот возраст, когда уж пора поразмыслить о душе. А, стало быть, и негативизм престарелого Сервантеса к заведомо предосудительным повадкам своего героя-семита начисто исключает его с ним кровную перекличку." Убедительная теория, что уж тут. Особенно впечатляет это "без опаски - в завуалированной форме". А вывод - вот выписал со страстью писатель образ прегнусного еврея, без зазрения совести торгующего живым и неживым товаром, - значит сам не еврей. А раньше ему этого делать не давали засевшие во власти крипто-евреи. Пришлось дожидаться старости и болезни, когда уже всё равно, - пусть мстят...

Но всё-таки что же заставило писателя включить в список анти-героев несимпатичных иудеев? Прежде всего заметим, что демонстративный антисемитизм как правило не свидетельствует об отсутствии еврейской крови. Еврейская самоненависть встречается, к сожалению, очень часто, а у писателей с еврейскими корнями, пишущих на языке и для другого народа, это просто хроническое заболевание. В конце жизни Сервантес, привыкший к нужде и бесславию, вдруг расслабился - пришли всенародная слава и деньги - захотелось ещё и быть принятым высшим обществом. Он же всю жизнь рвался быть наравне с этими христианскими наследственными аристократами, которые не хотели плевать в его сторону! Как же тут не поддаться искушению и не крикнуть во весь голос: "Ребята, я такой же! Вот, посмотрите, я и евреев просто на дух не

переносу..." Не ведал он, как и многие, которые придут после него, что это никогда, совсем никогда, не помогает...

Был ли евреем Дон Кихот?

"...пусть уж сеньор Дон Кихот останется погребённым в ламанских архивах до тех пор, пока небо не пошлёт ему кого-нибудь такого, кто украсит его всем, что ему недостаёт."

Из пролога к первой части "Дон Кихота"

Хотя немногочисленные свидетельства о жизни Сервантеса дают многочисленные поводы сомневаться в чистоте его происхождения, наша возможность оценить их аутентичность весьма ограничена. Зато у нас есть сервантесовские тексты, - тут уже никто не заподозрит пытливого исследователя в использовании недостоверных источников. Но прежде, чем мы окунёмся в глубокие воды писательских фантазий, стоит вкратце ознакомиться с некоторыми испанскими словами и названиями, появляющимися у Сервантеса. Итак, Ламанча в переводе означает "пятно", Кихот - "круп лошади" или "часть доспехов для защиты бедра", а суффикс "-от" имеет в испанском комический или бранный оттенок. Намёк на имена достославных рыцарей, например Ланселота, тоже достаточно прозрачен. Во времена Сервантеса написание имени главного героя Don Quixote отличалось от современного Don Quijote, и по-видимому произносилось как "Дон Кишоте" - похожее произношение существует и сейчас во французском, каталанском или иврите, а также использовалось в ранних переводах романа на русский язык. Слово "*кишот*" на арамейском означает "правду, истину". Это понятие активно использовалось в сефардской религиозной литературе и литургии. Понятие *кишот* появляется, например, в книге Зоар, основном произведении кастильского мистицизма (хоть и атрибутируемую Равби Шимону Бар Йохою, жившему во II-м веке нашей эры, но впервые опубликованную, а возможно и написанную, Моше де Леоном в XIII-м веке). В молитве *Берих Шме*, есть следующий эпизод: "Не в Сына Господа мы веруем, а в Бога Небесного, который Бог - *кишот*, его Тора - *кишот*, и его пророки - *кишот*, и в изобилии Он творит совершенство и *кишот*." Ещё более символичен титул "Ламанский". В Испании шестнадцатого века ходила поговорка о том, что "ничто так не портит позолоту, как пятно (*ла манча*) в биографии". Так что, если принять версию об арамейском происхождении имени героя романа, то оно звучит, как "Дон Правдивый Запятнанный". Ну а чем запятнанный, я уже объяснял.

Писательница и исследователь творчества Сервантеса Доминик Обьер трактует образ Дон Кихота в каббалистическом контексте. Родившаяся в 1922-м году, и живущая в Нормандии, она написала более сорока книг. Она очень популярна во Франции и неоднократно номинировалась на Нобелевскую премию по литературе. В 1966-м году выпустила в свет книгу "Дон Кихот, пророк иудейский", которая привлекла широкое внимание и была переведена на несколько языков. Обьер считает, что образ Дон Кихота типичен для еврейских источников. Особое внимание Обьер уделяет параллелям с каббалистическими текстами.

Начнём с имён. Обьер считает, что настоящее имя героя, Кихано, является анаграммой ивритского "*анохи*" - соответствующее русскому "*аз*", как в "*аз есмь*", а название города Тобосо является видоизменённым "*тов сод*" - хороший секрет или секрет хорошего, в переводе с иврита. Приведём ещё предположение Рут Райхельберг, специалиста в испанской литературе из Бар-Иланского университета, о происхождении имени Дон Кихот. Она выдвигает гипотезу, что это имя должно звучать Дон Ки Шоте, то есть Дон-Дурачок (*шоте*, пишущееся с *тет*, на иврите означает глупец). Версия не хуже других, но уж сколько таких вариантов можно придумывать. Так и представляешь себе какого-нибудь русскоязычного израильтянина, предлагающего считать имя Дон Ки Шоте (уже через *тав*), то есть Дон-Пьющий, доказательством русско-еврейского происхождения героя. Кстати, если у кого-либо эта гипотеза найдёт отклик, автор этого опуса безоговорочно готов принять участие в экспериментах по проверке процесса превращения в благородного дона.

Чтобы покончить с именами, рассмотрим ещё гипотезы, связанные с именем Росинант. Как отмечает например Рут Райхельберг, самоидентификация автора не ограничивается только Дон Кихотом, для него и Росинант не чужой, - "Хозяин и дворецкий - те же клячи, \\ И в них такой же прок, как в Росинанте". Кроме того, имя Росинант звучит очень похоже на Сервантес. Всё это, по мнению Райхельберг, делает идентичными образы автора, рыцаря и лошади.

Согласно словарю Коварубиаса, "*росин*" означает "жеребёнок, из-за нечистой породы не заслуживающий называться лошастью". Кажется все трое близнецов: Дон Кихот, Росинант и Сервантес, подходят под это определение.

Ещё один забавный вопрос - а на каком языке был написан "Дон Кихот"? "На чистом кастильском," - на задумываясь скажете вы. Не всё, однако, так просто. В девятой главе первой части выясняется, что история Дон Кихота была написана неким Сидом Хаметом Бен-инхали и становится известной автору из манускрипта, купленного случайно у мальчика-торговца на улице в Толедо. Текст, как догадался автор, был написан по арабски. Потребовался переводчик, - "... и вот стал я поглядывать, не идёт ли мимо какой-нибудь мориск, который мог бы мне это прочесть, - кстати сказать, в Толедо такого рода переводчики попадаются на каждом шагу, так что если б даже мне понадобился переводчик с *другого языка, повыше сортом и более древнего*, то отыскать его не составило бы труда." Что же это за древний высокосортный язык, столь распространённый в Толедо? Тут и вопроса нет, кроме иврита других претендентов просто нет. Есть ещё несколько пикантных деталей. Имя автора купленного манускрипта в переводе с арабского означает Достопочтенный Хамет Баклажан. Во время написания романа, подозрительность по отношению к новым христианам была одержимой. Для демонстрации полного разрыва с прошлым некоторые новообращённые демонстративно поедали свинину. А вот баклажан, типичный ингредиент арабской и еврейской кухни, был символом верности старому. Не исключено, что в глазах Сервантеса имя автора манускрипта приобретало дополнительное скрытое значение.

Но вернёмся к Обьер. Она рассматривает "Дон Кихота" в качестве аллегорического комментария к книге Зоар. В соответствии с её теорией, Дульсинея символизирует *Шхину* - Божественное присутствие. Как объясняет исследователь Талмуда А.Покрасс, *Шхина* олицетворяет женское, берущее, начало в гармоническом союзе с мужской, дающей, божественной сущностью. Амбивалентность этого понятия выражается в неизмеримой мере несомой ею доброты и любви, которая может смениться несравненными злом и ненавистью в наказание за грехи. Так и Дульсинея сочетает в себе идеальные женские качества прекрасной дамы в представлении Дон Кихота с греховными и низменными чертами пахнущей чесноком крестьянки Альдонсы в описании Санчо. Мессианские мотивы достаточно явны в образе Дон Кихота. Его сумасшествие - это безумство пророков, святых и мистиков. По мнению Обьер, основная идея романа - это призыв к восстановлению гармонии в отношениях трёх главных монотеистических религий. Это и явилось причиной того, что автор описывает приключения нового христианина, основываясь на книге, написанной мусульманином.

Чтобы серьёзно обсуждать все приведённые гипотезы, нужно ответить на вопрос, где и как мог Сервантес познакомиться с еврейскими источниками. Нет никаких свидетельств, что он знал иврит или арамейский, более того, непонятно владел ли он латынью в достаточной мере. В любом случае, доступ к таким текстам в Испании XVI века был сопряжён с многочисленными опасностями и ограничениями. Показательной в этом отношении является история преподобного Луиса де Леона (1528-1591), профессора теологии из Саламанки, который был заключён Инквизицией в тюрьму на четыре года за использование Танаха и других еврейских источников в исследованиях. Наиболее вероятным является то, что если Сервантес и был знаком с еврейскими источниками, он приобрёл это знание во время своего пленения в Алжире. Там он не был ограничен в передвижениях внутри города, и мог водить дружбу с многочисленными испаноговорящими евреями, потомками беженцев 1492-го года. Были ли такие контакты, дразнили ли его "шоте" или знакомили с "кишот", нам уже вряд ли дано узнать.

Санчо Панса и Талмуд

"-Если я не ошибаюсь, со стороны этого шатра идёт дух и запах не столько нарцисов и тмина, сколько жареного сала."

"Дон Кихот", гл. XX, ч. 2

Все герои этой истории дают повод подозревать их в нечистом происхождении, и только Санчо Пансу никак не получается затащить в этот скорбный список. Он вне подозрений, о чём беспрестанно напоминает на протяжении всего романа: "...я всю свою жизнь искренне и твердо верю в Бога и во все, чему учит и во что верует святая римско-католическая церковь, и являюсь

заклятым врагом евреев," - заявляет Санчо в восьмой главе второй части. Более того, он постоянно подчёркивает, что он не просто христианин, а старый (в русском переводе - чистокровный) христианин. В XXI-ой главе первой части между Санчо и Дон Кихотом происходит следующий диалог:

"- Дай-то Бог, - сказал Санчо. - Ведь я *старый христианин*, а для того, чтобы стать графом, этого достаточно.

- Более чем достаточно, - возразил Дон Кихот. - Даже если б ты и не был таковым, то это ничему бы не помешало: когда я воссяду на королевский престол, ты у меня сей же час получишь дворянство, и тебе не придется ни покупать, ни выслуживать его."

Странно, не правда ли? Читатель ожидает услышать в ответ от Дон Кихота что-то типа – "И я, и я - тоже старый христианин," а он начинает занудно объяснять, что ничего, и у него не будет с этим проблем, когда он станет королём. А до этого что - есть? Видимо Санчо и автор знают о Дон Кихоте что-то неведомое читателю. А может быть Дон Кихот хотел сказать, что даже если бы Санчо был новым христианином, он бы пренебрёг законом о чистоте крови?

Хоть Санчо Панса и не является кандидатом в список крипто-евреев, он поможет нам разобраться с другой историей, имеющей отношение к Талмуду. Исследователи сервантесовских текстов давно обратили внимание на многочисленные библейские цитаты в романе. Так американский писатель Курт Левиант насчитал около пятидесяти таких цитирований. Более того, в романе, как впервые заметил Бернардо Барух, можно найти почти детально воспроизведённый отрывок из Талмуда. Вот что произошло в главе XLV второй части романа, где рассказывается "о том, как премудрый Санчо Панса вступил во владение своим островом и как он начал им управлять".

"Засим к губернатору явились два старика; одному из них трость заменяла посох, другой же, совсем без посоха, повел такую речь:

- Сеньор! Я дал займы этому человеку десять золотых - я хотел уважить покорнейшую его просьбу, с условием, однако ж, что он мне их возвратит по первому требованию. Время идет, а я у него долга не требую: боюсь поставить его этим в еще более затруднительное положение, нежели в каком он находился, когда у меня занимал; наконец вижу, что он и не собирается платить долг, ну и стал ему напоминать, а он мало того что не возвращает, но еще и отпирается, говорит, будто никогда я ему этих десяти эскудо займы не давал, а если, дескать, и был такой случай, то он мне их давным-давно возвратил. У меня нет свидетелей ни займа, ни отдачи, да и не думал он отдавать мне долг. Нельзя ли, ваша милость, привести его к присяге, и вот если он и под присягой скажет, что отдал мне деньги, то я его прошу немедленно, вот здесь, перед лицом господ бога.

- Что ты на это скажешь, старикан с посохом? - спросил Санчо.

Старик же ему ответил так:

- Сеньор! Я признаю, что он дал мне займы эту сумму, - опустите жезл, ваша милость, пониже. И коли он полагается на мою клятву, то я клянусь в том, что воистину и вправду возвратил и уплатил ему долг.

Губернатор опустил жезл, после чего старик с посохом попросил другого старика подержать посох, пока он будет приносить присягу, как будто бы посох ему очень мешал, а затем положил руку на крест губернаторского жезла и объявил, что ему, точно, ссудили десять эскудо, ныне с него взыскиваемые, но что он их передал заимодавцу из рук в руки, заимодавец же, мол, по ошибке несколько раз потом требовал с него долг. Тогда великий губернатор спросил заимодавца, что тот имеет возразить противной стороне, а заимодавец сказал, что должник, вне всякого сомнения, говорит правду, ибо он, заимодавец, почитает его за человека порядочного и за доброго христианина, что, по-видимому, он запомнил, когда и как тот возвратил ему десять эскудо, и что больше он их у него не потребует. Должник взял свой посох и, отвесив поклон, направился к выходу; тогда Санчо, видя, что должник, как ни в чем не бывало, удаляется к выходу, а истец покорно на это смотрит, опустил голову на грудь, и, приставив указательный палец правой руки к бровям и переносице, погрузился в раздумье, но очень скоро поднял голову и велел вернуть старика с посохом, который уже успел выйти из судебной палаты. Старика привели, Санчо же, увидев его, сказал:

- Дай-ка мне, добрый человек, твой посох, он мне нужен.

- С великим удовольствием, - сказал старик, - нате, сеньор.

И он отдал ему посох. Санчо взял посох, передал его другому старику и сказал:

- Ступай с богом, тебе заплачено.
- Как так, сеньор? - спросил старик. - Разве эта палка стоит десять золотых?
- Стоит, - отвечал губернатор, - а если не стоит, значит, глупее меня никого на свете нет. Сейчас вы увидите, гоюсь я управлять целым королевством или не гоюсь.

И тут он велел на глазах у всех сломать и расколоть трость. Как сказано, так и сделано, и внутри оказалось десять золотых; все пришли в изумление и признали губернатора за новоявленного Соломона. К Санчо обратились с вопросом, как он догадался, что десять эскудо спрятаны в этой палке. Санчо же ответил так: видя, что старик, коему надлежало принести присягу, дал подержать посох на время присяги истцу, а поклявшись, что воистину и вправду возвратил долг, снова взял посох, он, Санчо, заподозрил, что взыскиваемый долг находится внутри трости. Отсюда, мол, следствие, что сколько бы правители сами по себе ни были бестолковы, однако вершить суд помогает им, видно, никто как Бог; притом о подобном случае он, Санчо, слышал от своего священника, память же у него изрядная, и если б только он не имел привычки забывать как раз то, о чем ему подчас нужно бывает вспомнить, то другой такой памяти нельзя было бы сыскать на всем острове. Наконец старик устыженный и старик неудовлетворенный вышли из судебной палаты, оставшиеся были изумлены, тот же, кому было поручено записывать слова, действия и движения Санчо, все еще не мог решить: признавать и почитать Санчо за дурака или же за умника."

А теперь обратимся к истории, изложенной в Вавилонском Талмуде и известной как *канья де Раба* - "посох Рабы". Раба - один из наиболее цитируемых в Талмуде мудрецов, жил в конце III-го – начале IV-го веков, и славился своей непревзойдённой диалектической логикой. И вот какая с ним приключилась история:

"Некто потребовал у своего друга выплатить долг. Он (заимодавец) предстал перед Рабой (попросив помощи). Он (заимодавец) сказал должнику: "Заплати мне!" Он (должник) ответил: "Я заплатил ему!" Раба сказал ему (должнику): "Если так, то пойд и поклянись ему, что ты уже заплатил ему." Он пошёл и принёс с собой посох, в который он засунул деньги. Опираясь на него он появился в суде. Он сказал кредитору: "Подержи посох в своей руке." Потом взял он Свиток Торы и поклялся, что он выплатил ему (заимодавцу) весь долг. В гневе кредитор сломал посох, и монеты посыпались на землю. Так оказалось, что должник говорил под присягой правду."

Трудно не увидеть идентичность обеих историй. Конечно есть различие в деталях, - клятва на кресте в одной истории и на свитке во второй, посох разбивается в первой версии сознательно, по приказу судьи (Санчо), а во второй - это происходит случайно, но это различие, конечно же, несущественное. Если мы согласимся с тем, что Сервантес сознательно включил историю из Талмуда в роман, то нужно задаться вопросом о его мотивах. Хосе Фор полагает, что это было сделано с целью осмеяния доктрины "чистоты крови". В всех официальных документах того времени честность и праведность "новых христиан" подвергались сомнению. Например, в своём обращении к новым христианам Король Фердинанд призывал их учиться у "старых христиан" искусству преданности католической вере, и даже призывал передавать детей, рождённых в семьях новых христиан на воспитание и обучение в семьи старых христиан. Неспроста Сервантес упоминает, что должник известен как добрый, а значит "старый", христианин. Возможно эта история должна была разоблачить цинизм и лживость тех, кто должен учить правде детей нечистых кровей...

Для полноты картины следует упомянуть, что некоторые учёные утверждают, что Сервантес позаимствовал эту историю из труда Якобуса де Воражина *Легенда Ауреа*, написанного в XIII-м веке. Там в истории жизни Св. Николаса из Бари описывается следующий случай: "Некий человек одолжил деньги у еврея, поклявшись ему на алтаре Св. Николаса, что он вернёт долг при первой возможности. Так как возврат задерживался, еврей потребовал свои деньги, но человек заявил, что он выплатил весь долг. Судья потребовал, чтобы он поклялся, что возвратил долг. Тем временем человек засунул деньги, которые был должен, в полость ларца, и перед тем, как поклясться, он попросил еврея подержать этот ларец. Тогда он принёс клятву, что возвратил долг с лихвой. Когда он (человек) забирал ларец, еврей отдал его, не подозревая обмана. По дороге домой ответчик заснул на обочине, и его переехала карета, которая также раздавила ларец, в котором было спрятано золото. Узнав об этом, еврей прибежал на место происшествия; и хотя зеваки убеждали его забрать высыпавшиеся на землю монеты, он сказал, что сделает это

только, если благодаря чудотворству Св. Николаса, человек воскреснет. Более того, он добавил, что, если это произойдет, он примет крещение и перейдет в христианство. Немедленно человек воскрес и еврей был крещен."

Я предоставляю читателю судить самостоятельно, какая из двух историй скорее всего стала основой Сервантесовского текста. Понятно также, что единственное использование истории из Талмуда не может быть достаточно доказательным. С другой стороны, многие десятки неявных цитат из Библии и Талмуда, рассыпанные по страницам романа, и обнаруженные Ф.М.Виллануево, А.Кастро, М.МакГаха, К.Левиантом, Д.Обьер, Р. Райхельберг, Р.Файн и другими исследователями очень убедительно свидетельствуют о знакомстве Сервантеса с этими источниками.

Заключение

Несмотря на то, что название этого раздела скорее указывает на описание типичного эпизода из жизни мастера, - это пришла пора подводить итоги. Итак, прямых свидетельств еврейства Сервантеса нет. Да и убедительность многих косвенных доказательств сомнительна. Но есть что-то в истории Сервантеса, что заставляет поверить в такую возможность.

В конце концов, евреи - народ книги. А что может быть более еврейским, чем замена восприятия реальной жизни на умозрительные построения, превращении самого себя в живущую книгу. Это воистину фанатичное упорство, с которым Дон Кихот пытается доказать правду слова вопреки всей опровергающей её окружающей мерзости, это постоянное сведение происходящего к упрощенной схеме, немедленно вызывает в памяти образы представителей поколений еврейских пророков и революционеров, из лучших побуждений пытавшихся уговорить сопротивляющихся ближних и дальних перестроить свою жизнь в соответствии с той или иной книгой и, вместе с другими, страдавших от чересчур прямолинейного исполнения этой задачи. Нужно было очень глубоко прочувствовать эту трагедию несоответствия идеальной и реальной картин мироздания, чтобы первым написать про это. Более того, нужно было обладать совершенно особенным мировосприятием, чтобы сделать это с невероятным юмором, одновременно плача и смеясь над собой, как это могут делать только евреи.

Так что, если спросите меня - таки да...

Literature

Aubier, Dominique. *Don Quichotte, prophète d'Israël: essai*. Paris: R. Laffont, 1966.

———. *Don Quijote, profeta y cabalista*. Barcelona: Obelisco, 1981.

Bianchi, Letizia. "Verdadera historia e novelas nella prima parte del Quijote," *Studi Ispanici*. Pisa: Giardini, 1980, pp.121–68.

Castro, Americo, *Cervantes y los casticismos espanoles*, Madrid, Alianza, 1974.

Faur, Jose. Don Quixote – talmudist and mucho mas, in book: *The Review of Rabbinic Judaism: Ancient, Medieval, and Modern*, vol.4, 1, Koninklijke Brill NV, Leiden, 2001, pp.139-157.

McGaha, Michael. "Is there a hidden jewish meaning in Don Quixote?" *Cervantes* 24.1, 2004, pp.173–88. <<http://www.h-net.org/~cervantes/csa/bcsas04.htm>>.

Rodríguez, Leandro. *Don Miguel, judío de Cervantes*. Santander: Editorial Cervantina, 1978.

Villanueva, Francisco Márquez. *De la España judeoconversa (Doce estudios)*, Barcelona: Edicions Bellaterra, 2006, 290pp.